

**Агент Советского Союза  
Супергерой по-русски**



АНДРЕЙ БОЛОНОВ

**ДВОЙНОЕ СЕРДЦЕ  
АГЕНТА**



МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
Б79

**Болонов, Андрей.**

Б79 Двойное сердце агента / Андрей Болонов. — Москва : Эксмо, 2025. — 448 с. — (Агент Советского Союза. Супергерой по-русски).

ISBN 978-5-04-215736-3

Май 1960 года, самый разгар холодной войны и космической гонки.

США пробуждают своего «спящего» агента под кодовым именем Томас, который должен помешать СССР первым в истории запустить человека в космос.

Мир, балансирующий на грани ядерного апокалипсиса, нуждается в герое.

Советский Союз берет на себя отчаянную миссию — отправить лучшего контрразведчика в логово врага.

Вычислить, обезвредить засекреченного агента и предотвратить коварный план США поручено опытному агенту Петру Олейникову.

Но может ли спасти страну человек, сердце и чувства которого разбиты вдребезги?

Перед Олейниковым встает сложнейший выбор между любовью всей его жизни и служением Родине. Если наш русский Бонд попадет в ловушку, то шанса избежать апокалипсиса у планеты не останется...

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Корявов Д., 2024

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-215736-3

Все события, персонажи,  
названия в настоящем киноромане  
вымышленные, а любые совпадения  
с реальными случайны



— Хочу сразу ответить тем, кто здесь «укает»! Вы, господа, «укайте», да оглядывайтесь. Мы вас не добились под Сталинградом, на Украине, в Белоруссии... и если вы будете еще «укать» против нас и будете опять готовить нападение, мы вас так «укнем», что больше не будете «укать»! — рвался из телевизора раскатистым громом голос Хрущева.

И хотя в это майское утро 1960 года сам Никита Сергеевич находился за тысячи километров от Белого дома, на пресс-конференции в Париже, президент США Дуайт Эйзенхауэр непроизвольно поежился, глядя на кряжистые кулаки своего советского коллеги, которыми тот после каждой истерично-рубленной фразы колотил по трибуне, словно забивая гвозди.

Эйзенхауэр не выдержал, щелкнул тумблером телевизора, и угрожающий хрущевский лик в мгновение схлопнулся в маленькую яркую точку. Экран погас.

— Вы говорили, что у русских нет истребителей, которые способны подняться на такую высоту, — сказал с раздражением Эйзенхауэр, повернувшись к Аллену Даллесу, шефу Центрального разведывательного управления.

— Я в этом уверен на сто процентов. — Даллес встал и протянул президенту несколько листов, испещренных цифрами. — Вот последние тактико-технические данные истребительной авиации русских...

Эйзенхауэр взял листки, не глядя отложил их в сторону и, просверлив колючим взглядом руководителя ЦРУ, спросил:

— Тогда как же им удалось сбить наш самолет-разведчик?

Конечно, перед встречей с президентом Даллес проигрывал предстоящий разговор в голове, и у него, как у опытного дипломата и разведчика, были заготовлены все необходимые ответы, но сейчас он почему-то растерялся. Всегда сложно признаваться в собственных просчетах.

— Таких истребителей у них действительно нет... — еле слышно прозвучал из глубины кабинета голос еще одного посетителя — сухопарого, стриженного под «бобрик» старичка в генеральской форме с непроницаемым взглядом серых глаз из-под массивных роговых очков. Генерал Холгер Тоффрой, начальник разведывательного центра «Форт Фелисити», был куратором всех проектов ЦРУ в области ракетных технологий. Еще пятнадцать лет назад, сразу после Второй мировой войны, именно он руководил секретной операцией американской разведки, получившей кодовое название «Скрепка». Десятки немецких ученых-ракетчиков в обстановке абсолютной секретности были перевезены в США. И именно благодаря ему в пустынном уголке тexasской равнины была основана маленькая секретная лаборатория, положившая начало космической программы США. Возглавил ее штурмбаннфюрер СС, он же главный конструктор знаменитой ракеты «Фау-2», профессор Вернер фон Браун.

— Они сбили самолет Пауэрса ракетой, — продолжил, вставая, Тоффрой. — К сожалению, господин президент, русские научились делать ракеты. Господин президент, я понимаю все политические последствия данного инцидента...

— Вы понимаете все последствия?! — вспыхнул Эйзенхауэр. — Сначала вы утверждали, что наш самолет-разведчик полностью уничтожен, и я с вашей подачи несколько дней врал всему миру, что это был метеорологический самолет... что его сбили кровавые русские. А теперь выясняется, что пилот жив, а обломки разведывательного самолета вместе со всем шпионским оборудованием выставлены на всеобщее обозрение в московском парке! И как я после этого выгляжу, нелепо повторяя, что ЦРУ проводило операцию, не поставив меня в известность?

— Я полностью признаю свою вину и готов понести заслуженное наказание, — склонил голову Тоффрой.

— Господин президент! — вмешался Даллес. — Я понимаю всю неприглядность этой ситуации и не снимаю ответственности за происшедшее ни с себя, ни с кого-либо из моих сотрудников, но я бы хотел сообщить информацию, которая носит чрезвычайно важный характер...

— Что может быть важнее дискредитации президента? — перебил его Эйзенхауэр.

Даллес молча подошел к Эйзенхауэру и протянул тоненькую бумажную папку, в уголке которой красовался гриф «Совершенно секретно». Бросив раздраженный взгляд на директора ЦРУ, президент раскрыл папку и пробежал глазами вложенный в нее документ.

— Это фотокопия секретного постановления Центрального комитета компартии Советского Союза

и их Совета министров, — прокомментировал Даллес. — Информация достоверная, получена от нашего человека в высших эшелонах КГБ.

Заголовок текста вспыхнул перед глазами Эйзенхауэра:

**«О подготовке полета человека в космос»**

Не поверив своим глазам, он перечитал документ, отложил его в сторону и вопросительно взглянул на Даллеса.

— Когда они планируют запуск?..

— Наш человек в КГБ, имеющий доступ к информации на самом высоком уровне, полагает, что русские смогут сделать это в течение года, — ответил Даллес.

— Технологически мы пока опережаем их, — вмешался Тоффрой, — но они могут...

Глаза Тоффроя встретились с жестким взглядом президента, и генерал осекся. В кабинете воцарилась пронзительная тишина.

— Первым в космосе должен быть гражданин Америки! — с металлом в голосе произнес Эйзенхауэр. — И вы оба лично отвечаете за то, чтобы русские аплодировали нашему астронавту с земли!

— Господин президент! — по-армейски отчеканил Даллес. — Можете не сомневаться, Советы нас не обгонят. Уже завтра мы приступаем к активной фазе операции «Обратный отсчет»!

\* \* \*

В Вологодских лесах уже вторую неделю лил тягучий дождь. Заключенные колонии строгого режима, увязая в глинистой жиже, подтаскивали тяжелые

скользкие бревна к ржавой пилораме. Железные зубья с протяжным стоном вгрызались в древесину, с трудом разрывая разбухшие волокна. И, тщетно пытаясь заглушить стон древесной плоти, из репродуктора, прикрученного колючей проволокой к вышке с часовым, разносился над лагерем звонкий голос Гелены Великановой:

Ландыши! Ландыши!  
Светлого мая привет.  
Ландыши, ландыши —  
Белый букет<sup>1</sup>.

У пилорамы командовал Крамаренко — пожилой рецидивист, своим картавым говором и внешностью напоминавший Ленина.

— Грузи, грузи! — глотая букву «р», кричал он другим зекам, принимая бревна и загружая их на направляющие.

Подали очередное толстенное бревно. Крамаренко, надрывно крикнув, подхватил его и, тяжело дыша, стал подталкивать к вращающимся зубьям.

— Вж-ж-жи! — завизжала пила, всасывая в себя мясистый комель. Неожиданно нога Крамаренко скользнула по раскисшей глине, бревно спружило, сыграло, крученная сила подбросила деревяху вверх, и полетело оно прямо на растянувшегося в луже Крамаренко. Казалось, еще мгновение — и бревно обрушится всем весом на его седую голову. Но откуда ни возьмись распростерлись над Крамаренко чьи-то руки, подхватили бревно, оттащили в сторону.

---

<sup>1</sup>«Ландыши» — популярная песня композитора Оскара Фельцмана на стихи Ольги Фадеевой (Кляйнер), написанная в 1958 году (источник — Википедия).

Ты сегодня мне принес  
Не букет из алых роз... —

продолжала распевать из репродуктора Великанова.

Уже попрощавшийся с жизнью Крамаренко открыл глаза и увидел веселое лицо Олейникова — зека из второго отряда, который, широко улыбнувшись, подмигнул ему и подпел Великановой:

Ты сегодня мне принес  
Не букет из алых роз...  
А бутылочку «Столичную».  
Заберемся в камыши,  
Надеремся от души,  
На хрена нам эти ландыши!

Визгливо взывший за железными воротами зоны автомобильный гудок оборвал песнь Олейникова. Вертухаи бросились отворять, из конторы выскочил начальник зоны и вприпрыжку побежал к воротам.

Во двор въехала темно-синяя «Победа», скрипнули тормоза, запахнулась дверца, и из автомобильного чрева появился высокий молодой офицер в форме майора госбезопасности.

— О, кино, наверное, привезли! — хохотнул Олейников, наблюдая, как начальник зоны подобострастно козыряет прибывшему майору.

Зеки заржали. Но тут ударила по ушам караульная сирена, залаяли псы, побежали автоматчики, на бегу выхрипывая команду «стро-о-ойсь!».

Подгоняемые прикладами, толкая друг друга, спотыкаясь и падая в грязь, зеки бросились строиться.

Майор оглядел строй заключенных, раскрыл бумажную папку, полистал и, легким движением головы подозвав начальника зоны, ткнул пальцем в список.

Тот кивнул и, набрав полные легкие воздуха, с усердием рывкнул:

— Заключенный Олейников! Два шага из строя!

Зачавкали в грязи кирзовые сапоги зеков, строй перед Олейниковым расступился, освобождая проход. Олейников прищурился, хитрая улыбка скользнула по его губам. Глянув на стоявшего рядом щупленького зека, он легонько подтолкнул его вперед и заговорщицки шепнул:

— Тебя!

Зек вздрогнул и испуганно завертел головой.

— А, нет, меня... — успокоил его Олейников. — Грамотой, наверное, награждать будут.

\* \* \*

Из папирос майор Зорин признавал только «Казбек». Когда-то давно, еще учась на юридическом, он как лучший студент был направлен на практику к легендарному муровскому сыщику Владимиру Чанову. Чанов курил, курил много, и только «Казбек», неуловимым движением пальцев лихо заламывая мундштук. Зорин боготворил Чанова, стараясь во всем ему подражать: носил такой же обвислый пиджак (в складках можно было спрятать еще один пистолет) и пил такой же круто заваренный чай с кислыми дольками антоновки (мозг бодрит и витаминами питает!). Тогда же Зорин и закурил. Удовольствия он от этого не получал, только кашлял надрывно, но не соответствовать облику великого сыщика он не мог.

Вот и сейчас Зорин, глубоко затянувшись, сорвался на резкий, дерущий горло кашель. Дребезжащее эхо отразилось от крашенных отвратительной

масляной краской стен допросного кабинета. Отхлебнув из стакана горячий чай, Зорин рукой разогнал дым над головой и, восстановив сбившееся дыхание, поднял взгляд на стоявшего перед ним Олейникова.

— Садитесь, Петр Алексеевич, — хрипло сказал Зорин и показал рукой на прикрученный шурупами к полу металлический стул.

— Так я уже десять лет как сижу... — ухмыльнулся Олейников.

— Настроение, я вижу, у вас, Петр Алексеевич, хорошее. Значит, и разговор у нас получится правильный. Присаживайтесь.

«Прав был генерал Плужников, — подумал Зорин, наблюдая, как Олейников демонстративно смахивает невидимую пыль со стула, прежде чем сесть на него. — Вряд ли все пройдет гладко. Ну ничего, посмотрим, кто кого!»

Он взял в руки увесистую картонную папку с жирной надписью на обложке:

**Уголовное дело № 38-4/59.**

**Олейников П. А.**

**Ст. 58-1а «Измена Родине».**

Раскрыл ее и, делая вид, что внимательно вчитывается в страницы, задумался...

\* \* \*

Зорину давно хотелось живой оперативной работы. Он и на юрфак пошел, начитавшись в детстве детективных романов. Рос Зорин без отца, мать его работала в библиотеке иностранной литературы, и Зорин

имел возможность читать на языке оригинала не только доступных всем Конан Дойля, Жоржа Сименона, Эдгара По и Агату Кристи, но и Эрла Гарднера, Мориса Леблана, Рекса Стаута и Питера Чейни. Часами вгрызаясь со словарем в хитросплетения сюжетов, Зорин представлял себя то частным сыщиком Ниро Вульфом, то комиссаром Мегрэ, то адвокатом Перри Мейсоном. Незаметно для себя он овладел английским и французским языками, стал читать юридическую литературу, увлекся римским правом. Легко сдал вступительные экзамены, блестяще учился, через год был избран секретарем комитета комсомола курса. Через два — вступил в партию. В 54-м Зорин окончил университет и, естественно, с красным дипломом. Ректор, выслушав просьбу Зорина направить его на работу следователем в уголовный розыск, покачал головой и назидательно сказал: «Вот какое дело, товарищ Зорин... Как ты знаешь, в ряды правоохранительных органов вместе с предателем Берией затесалось большое количество врагов трудового народа. Партия ставит задачу кардинально обновить личные составы органов внутренних дел — нужны грамотные, верные ленинским принципам товарищи, способные заняться подбором надежных, идейных сотрудников для нашей милиции. Поэтому принято решение направить тебя в центральный аппарат МВД, в управление кадров».

Пять лет — бумажки, кадровые листки, проверки, собеседования. Начальство быстро оценило исполнительность молодого сотрудника и завалило его работой, которую Зорин выполнял весьма скрупулезно и точно в срок, заполняя все документы ровным каллиграфическим почерком. Он быстро получил старлея, затем капитана, благодарности сыпались одна за

другой, его отчеты дважды отметил лично министр. Многие прочили ему быстрый и успешный аппаратный рост. А Зорин с завидным упорством раз в год писал рапорты с просьбой перевести его на следовательскую работу и неизменно получал отказ — какое начальство захочет расстаться с «рабочей лошадкой»! И каждый вечер Зорин, сдав в архив толстые папки кадровых дел, возвращался в свой кабинет и, закулив любимый «Казбек», зачитывался литературой по криминалистике и психологии, перелистывал старые уголовные дела, изучая схемы расследований. Потом, уже за полночь, он неспешно брел домой по ночной Москве, выбирая самые темные и безлюдные закоулки, и каждый раз надеялся, что сейчас на его глазах кто-то попытается совершить какое-нибудь ужасное преступление. Тогда он вступит в смертельно опасный поединок с преступником и, рискуя жизнью, задержит его. Может быть, даже будет ранен.

И вот однажды, именно в тот холодный январский день 1960 года, когда в очередной раз на его рапорт о переводе пришел отказ, Зорин, закончив дела, доехал на троллейбусе до Нескучного сада и направился в звенящий от мороза мрак пустынных липовых аллей. Настроение было паршивое, не радовало даже то, что вместе с отказом Зорину пришло представление к майорскому званию — начальство явно им дорожило. Пройдя мимо Андреевского пруда, Зорин вышел к беседке-ротонде, сел на скамеечку, достал из пачки папироску и закурил. Курил Зорин, как научил его в свое время Чанов, — спрятав папиросу в кулак, чтобы издали никто не мог заметить ее огонек.

Зорин огляделся: запорошенный снегом фонтан, похожие на огромные белые грибы вазоны, пустынные пьедесталы. Поговаривали, что один из основа-

телей сада купец Демидов нанимал охранять посаженные им диковинные растения особых сторожей — гимнастов с фигурами атлетов. Измазанные мелом на манер парковых скульптур, они денно и ночью стояли неподвижно на пьедесталах. Но стоило кому-то из посетителей начать вести себя недостойно, как скульптуры «оживали», наводя на нарушителей ужас. Иногда они пугали прохожих просто из озорства, чтоб не было скучно. Вскоре слухи о говорящих скульптурах поползли по Москве, и демидовский сад нарекли «Нескучным».

Пошел легкий снег, немного потеплело. Зорин уже докуривал и собирался идти домой, как вдруг в глубине Аллеи влюбленных он заметил темную фигуру. Незнакомец явно торопился, шаг его сбивался, он все время оглядывался. Зорин быстро сунул окурок в снег, встал и спрятался за одну из колонн ротонды. Человек остановился совсем рядом, еще раз огляделся, затем достал из глубины черного пальто пистолет и, передернув затвор, переложил оружие в наружный карман. Сердце Зорина взволнованно застучало. Неужели?! Неужели ему повезло и пришел его звездный час? Вот он, перед ним — бандит-рецидивист, убийца, идущий на дело! Зорин напрягся и бесшумно двинулся за «объектом». Незамеченным он проследовал за ним до Пушкинской набережной и вышел к каскаду «Купальщица». Здесь неизвестный остановился и позволил себе отдышаться. В очередной раз оглядевшись, он присел рядом с фонтаном и стал осторожно раскапывать снег под постаментом. Через мгновение в его руках блеснул в лунном свете продолговатый округлый предмет. Наблюдавший за ним из-за дерева Зорин прищурился. Камень! Обыкновенный крупный булыжник, каких полно на берегах Москвы-

реки. Незнакомец засопел, сжимая камень в руках. Хрясть! — неожиданно булыжник развалился на две половинки, оказавшись полым внутри. Человек в черном пальто достал из-за пазухи какие-то бумажные листки и, осторожно сворачивая, стал вкладывать их внутрь одной из половинок булыжника.

«Шпион!» — озарила догадка Зорина. Он вспомнил, как год назад читал заметку в газете «Правда» о разоблачении офицера Главного разведывательного управления Генштаба СССР Петра Попова, работавшего на американскую разведку. Тот тоже прятал свои шифровки именно в такие замаскированные «закладки».

Кровь тревожно запульсировала в висках, Зорин даже испугался, что стук его сердца спугнет незнакомца, и, глубже спрятавшись за дерево, он сильнее запахнул шинель. Эх, если б сейчас с ним было его табельное оружие! «Но ничего, справлюсь и так», — подумал Зорин и, резко выскочив из-за дерева, эффектно крикнул:

— Милиция! Ни с места! Руки вверх! Незвестный удивленно охнул, отчаянно завертел головой, его рука скользнула к наружному карману. Зорин, в три прыжка преодолев разделявшее их расстояние, ловко выбил ногой вскинутый незнакомцем пистолет, повалил растерянного шпиона на землю и начал заламывать ему руки.

И вдруг из темноты, словно призраки, прямо перед Зориным материализовались какие-то фигуры, он почувствовал, как чьи-то сильные руки оторвали его от пойманного шпиона, отбросили в сторону, чье-то колено уперлось ему в спину и вдавило в снег. «Комитет госбезопасности СССР! Не шевелиться!» — обжигающим шепотом хлестнула ему в ухо резкая команда.

А на следующее утро в кабинете заместителя начальника Второго главного управления КГБ СССР генерал-лейтенанта Плужникова Зорин узнал, как сорвал операцию советской контрразведки, долго и кропотливо следившей за атташе посольства США. У чекистов возникли подозрения, что основным местом работы атташе было не дипломатическое поприще, а Центральное разведывательное управление США. Требовались доказательства. Под видом инженера одного из оборонных НИИ сотруднику КГБ удалось выйти на инициативный контакт с двуликим дипломатом. «Инженер» предложил передать некие ценные сведения. Дипломат согласился и сообщил место для закладки в Нескучном саду. И вот когда чекист, выдававший себя за инженера-предателя, вкладывал документы в тайник...

— Н-да, — похлопал по карманам генерал Плужников и поднял взгляд на вытянувшегося перед ним в струнку Зорина. — Куришь?

Зорин быстро вытащил из кармана пачку «Казбека» и протянул генералу. Плужников взял одну папиросу, размял ее пальцами и потянулся за спичками. Зорин опередил его, чиркнул зажигалкой — перед лицом Плужникова вспыхнул огонек. Генерал уже хотел прикурить, но неожиданно отстранился и отложил папиросу в сторону.

— Совсем забыл! Я ж бросил, — пробурчал генерал. — Прочитал в американском журнале: их ученые недавно установили, что курить — вредно. Второй месяц мучаюсь.

Плужников вздохнул и, прищурившись, посмотрел на Зорина:

— Ну и что прикажешь с тобой делать?

— Товарищ генерал! Я понимаю, что заслужил самое строгое наказание, и прошу скорее передать материалы моего дела в трибунал.

Генерал встал из-за массивного дубового стола, мягкой пружинистой походкой прошелся по кабинету и остановился около большого аквариума, в котором, переливаясь в лучах утреннего солнца, грациозно плавали разноцветные тропические рыбки. Плужников взял с подоконника круглую жестяную коробку из-под монпансье, аккуратно открыл ее и, зацепив щепотку сушеного мотыля, стал кормить рыбок.

— Твоего дела, говоришь?.. — усмехнулся генерал. — Никакого твоего дела нет. Ты выполнял свой долг. А провал операции — наша недоработка. Как мы тебя в парке не заметили? Не понимаю...

Генерал отряхнул руки, так же аккуратно закрыл коробочку и с сочувствием глянул на Зорина.

— Но у тебя теперь другая проблема. У тебя теперь нет работы.

— Товарищ генерал! Увольнение — слишком легкое наказание для меня.

— Да никто тебя не увольнял! — улыбнулся Плужников. — Сегодня утром Министерство внутренних дел СССР было расформировано, его полномочия переданы в республиканские МВД.

Зорин в недоумении уставился на генерала.

— Не будем обсуждать целесообразность данного действия, — продолжил Плужников. — Раз партия и правительство приняли такое решение, значит, они всесторонне оценили все его последствия. Значит, так надо. Только ты вот теперь без работы. Что делать-то будешь?

Зорин, не осознав до конца смысл услышанного, в растерянности пожал плечами. Генерал подошел ближе, заглянул ему прямо в глаза: